

УДК 94(47).07/08

Ю.Н. Смирнов*

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ, ОБЩЕСТВА
И САМОУПРАВЛЕНИЯ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ XIX В.:
ОТ МЕСТНЫХ ИНИЦИАТИВ К ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫМ РЕФОРМАМ****

На основании архивных и газетных материалов, документов личного происхождения и других источников в статье выявлены нововведения во взаимоотношениях самарского общества, самоуправления и губернских властей в канун Великих реформ. В Самарской губернии шел процесс повышения активности жителей как в отношении местных проблем, так и в связи с постановкой вопросов, важных для всей страны. Особенно это проявилось при обсуждении отмены крепостного права. Серьезным фактором роста этой активности стала позиция губернского руководства во главе с К.К. Гротом. Сторонники модернизационных процессов в провинциальном обществе стремились не только к переменам в области экономики и социальных отношений. Они делали ставку на открытость и гласность деятельности органов власти и самоуправления, на вызревание элементов гражданского общества.

Ключевые слова: Россия в XIX в., история Среднего Поволжья, провинциальный город, общественная жизнь, региональная печать, архивы, подготовка крестьянской реформы, Ю.Ф. Самарин.

Предреформенное десятилетие стало временем заметных изменений в общественной жизни русской провинции. Объективно это было обусловлено общероссийскими процессами. Однако на обширных российских пространствах было достаточно места для проявления региональных и субъективных особенностей. Что касается Самары, к таким особенностям следует, прежде всего, отнести придание ей статуса губернского города и назначение на пост начальника губернии К.К. Грота.

Еще при Николае I стало укрепляться взаимодействие губернской администрации, возглавляемой Гротом, с местным обществом, органами территориального и сословного самоуправления. Однако более широкие возможности для совместных решений и дел предоставило начало царствования Александра II.

Научное изучение жизни и деятельности К.К. Грота началось, когда его племянник К.Я. Грот издал в 1915 г. материалы для биографии знаменитого род-

* © Смирнов Ю.Н., 2015

Смирнов Юрий Николаевич (smirnov195503@yandex.ru), кафедра документоведения, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова 1.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 15 11 63002 а(р) «Трансформация Самары из уездного города в губернский центр накануне и в начале реформ середины XIX в.: архивные материалы и печать о переменах в административной сфере, формировании гражданского общества, развитии культурной среды».

ственника [9]. В советской историографии они оставались мало востребованными. Лишь в работах современных исследователей вновь проявился интерес к службе К.К. Грота начальником Самарской губернии и на других должностях [16]. Сложилось представление, что период его управления губернией с 1853 по 1860 гг. был временем серьезных перемен к лучшему во взаимоотношениях местного общества, органов его самоуправления и коронных властей при решении и реализации насущных вопросов жизни провинции и страны в целом.

Новейшие исследования частично подтвердили мнение о благотворном влиянии Грота на объединение усилий общества и властей Самарской губернии. Это прежде всего касалось сферы культуры и народного образования [4]. Правда, были отмечены случаи преследования людей ярких и талантливых, но чем-то не угодивших высокопоставленному начальнику губернии [5].

Все же вопрос о взаимоотношениях в середине XIX в. самарских властей и общества в различных сферах жизни до конца однозначно не решен. Необходимо выяснить, насколько существенными были перемены в их взаимоотношениях. Следует выявить объективные и субъективные причины, приведшие к подобным изменениям. Эти вопросы и определили тему настоящей статьи.

При решении поставленных задач были использованы материалы ряда архивохранилищ Самары и Санкт-Петербурга: Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), Российского государственного исторического архива (РГИА), Научного архива Русского географического общества (НА РГО). Привлекались и опубликованные источники: мемуары, справочные и статистические издания, газета «Самарские губернские ведомости» (СГВ).

Восторженное отношение к порядкам, введенным в Самаре при К.К. Гроде, проявляли некоторые современники. «Новым человеком», своим единомышленником считал губернатора чиновник удельного ведомства, демократ-«шестидесятник» Н.В. Шелгунов. Тогда, по его мнению, «новая молодежь» присутствовала во всех звеньях управления «и давала всему тон» [20, с. 70].

В отличие от Шелгунова друг и родственник Грота, известный путешественник и общественный деятель П.П. Семенов-Тянь-Шанский был далек от оценок и риторики последователей Н.Г. Чернышевского. Однако и он полагал, что Грот заново создал городское самоуправление в Самаре [18, с. 137].

В то же время сам К.К. Грот считал, что во время его службы в Самаре никаких новых полномочий органы самоуправления не получили. Их реформы в общегосударственном масштабе еще не начались, а «губернаторская власть была так поставлена, что весьма трудно было ее не превзойти» [9, с. 12].

Некоторые из нововведений Грота отражали положительные черты его характера, хотя, возможно, были рассчитаны на снискание популярности у жителей. Отметим циркуляры, предписывавшие городским и сельским начальникам не организовывать встречи и проводы губернатора во время поездок того по губернии, не держать особых лошадей на станциях на случай его проезда, если на то не будет особых распоряжений (СГВ. 1858. № 25, 28. Часть оф.).

Вместе с тем начальнику новой губернии действительно пришлось решать непростые административные вопросы, налаживая работу местных властей различного уровня и их взаимодействие. Эти сложности создавало недавнее (в 1851 г.) придание Самаре статуса губернского центра, переподчинение самарским властям уездных и городских учреждений, функционировавших в составе других губерний, отличавшихся своими правилами и традициями. Вскоре после прихода к руководству губернией К.К. Грот столкнулся не столько с задачей активизации общественной жизни, сколько с наведением порядка в выборах, должностях и полномочиях местного са-

моуправления путем их инвентаризации и унификации (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 817. Л. 1 об.-2).

К.К. Грот в своем выступлении в губернском дворянском собрании в 1855 г. заявил, что «права дворянства трех губерний, из которых составилась Самарская губерния, были различны». Губернатор предложил установить «прочный и основанный на законоположениях порядок и избрать на все представленные замещению дворянами должности лиц из своей среды». При этом К.К. Грот отнюдь не ставил под вопрос дворянские привилегии, а подчеркивал, что Николай I расширил «права Самарского дворянства относительно выборов из среды своей всех должностных лиц по судебной части и некоторых из блюстителей общественного порядка» [9, Приложения, с. 38].

Действительно участие дворян в местном управлении в первой половине XIX в. значительно расширилось в связи с созданием при губернском правлении многочисленных комитетов и комиссий по различным вопросам. В их состав обязательно входил губернский предводитель дворянства, а также другие представители этого сословия в качестве непременных членов, попечителей, депутатов, заседателей и т. п. Известный общественный деятель и самарский краевед П.В. Алабин писал: «Припомним, какими преимуществами пользовалось наше дворянство до уничтожения крепостного права и вообще до начала ряда реформ настоящего царствования, когда выборные от дворянства председательствовали и в судебных палатах, и в уездном суде, когда таковые же выборные были членами уездного суда, исправниками, заседателями судебных палат, председателями и членами совестного суда, членами приказа общественного призрения, членами комиссий: народного продовольствия, дорожной, общественного здравия, членами комитетов: земского, коннозаводства, оспенного, особого присутствия о земских повинностях и многих других, временных и постоянных комитетов и комиссий» [1, с. 551].

Представительство других сословий в местном управлении и суде также имело место, хотя уступало дворянскому. Особую роль играло городское самоуправление. Даже в уездном статусе растущая Самара не раз обращала на себя внимание верховной власти. В 1835 г. император утвердил новые правила сбора здесь городских доходов и расходов, выросшие благодаря хлебной торговле, а также новые штаты самарской городской администрации, полиции и органов самоуправления (РГИА. Ф. 1287. Оп. 5. Д. 1018). Однако уже в 1841 г. срочно понадобилось и было получено высочайшее позволение на изменение этих штатов (РГИА. Ф. 1152. Оп. 3. 1841 г. Д. 87) из-за большого притока людей на постоянное жительство и заработки (НА РГО. Раз. 34. Д. 6. Л. 87).

По «Жалованной грамоте» городам Екатерины II, предусматривалось создание в городах общей и «шестигласной» дум. Последняя являлась важнейшим органом местного самоуправления. Именно ее называли просто городской думой. Она состояла из головы и гласных, которых в небольшой Самаре было не шесть, а четыре. Думе и голове помогали в целом ряде вопросов старосты купеческой и мещанской общин, ревизские, податные, недоимочные старосты и сборщики податей, базарные старосты, присяжные оценщики, торговые депутаты, поверенные в разных учреждениях и комиссиях.

Выборы городского головы, гласных думы и других должностных лиц проходили на собраниях «градского общества». Если должность была ответственной, то требовалось утверждение губернской администрации. Причиной для отказа могли стать пребывание претендента под судом и следствием, невыплаченные долги или поступки, порочащие репутацию.

Интересная ситуация сложилась в Самаре на выборах городского головы в 1850, 1852 и 1855 гг. Все три раза наибольшее число голосов получал купец третьей гильдии Л.А. Умнов, но дважды он не был утвержден в должности. Сначала симбирский губернатор П.Д. Черкасский отказал в этом Умнову по причине его долгов. Затем такое же решение было принято первым самарским губернатором С.Г. Волховским. Третья победа Умнова на выборах была воспринята более благосклонно губернским руководством, во главе которого теперь стоял К.К. Грот. Ему хватило такта согласиться с мнением горожан и считать сам факт выбора Умнова порукой в его «благонадежности», а потому тот был введен в должность городского головы. Эту процедуру вместе с принятием присяги провел по поручению губернатора самарский уездный предводитель дворянства Н.А. Карамзин (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1014. Л. 17–22).

Присягу приносили все выборные лица. У занимающих менее важные должности присягу принимал городской голова, но опять-таки с разрешения губернских властей (ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 14. Л. 27–28).

Выбор городским головой Л.А. Умнова себя оправдал. Он немало сделал для городского благоустройства, тратя иногда значительные собственные средства, несмотря на расстроенное состояние [7]. Такую же практику продолжил купец В.Е. Буреев, занимавший эту должность после него [19].

Подобные траты потом могли возмещаться из средств города, но только с разрешения губернского правления. Выигрышем в любом случае была оперативность, поскольку городской голова мог тратить свои деньги без бюрократических проволочек (ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 14. Л. 105–106).

Оба упоминаемых руководителя городского самоуправления тесно сотрудничали по целому ряду вопросов с губернатором, который отвечал встречными шагами. Так, Грот добился существенной финансовой поддержки у оренбургского и самарского генерал-губернатора для расширения городского Струковского сада (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 799. Л. 190 и об., 221–221а), оказывал административную и кадровую помощь при его обустройстве и озеленении [6].

Существенным было также взаимодействие в хозяйственных вопросах. В 1858 г. генерал-губернатор разрешил Самарской городской думе провести ремонт общественных хлебных амбаров и укрепление береговых откосов на р. Самаре без объявления торгов на подряды. Это ускорило осуществление работ до ссыпки зерна нового урожая (ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 14. Л. 72–77 об.).

Можно отметить подобное взаимодействие в сфере благотворительности. После больших пожаров в Самаре приходила денежная помощь из других городов. Эти средства получали губернские чиновники, а списки нуждающихся готовили городская дума и голова (ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 14. Л. 96–97 об.).

Взаимная признательность за помощь, высказываемая городским головой губернатору, а начальником губернии — органам самоуправления, звучала в речах при открытии учреждений образования и объектов городской инфраструктуры. Эти высказывания воспроизводила местная газета, внушая мысль о благотворности сотрудничества власти и общества (СГВ. 1858. № 36. Часть неоф.).

Хотя в городском самоуправлении ведущую роль играли купцы и мещане, дворяне не отстранялись от участия в нем, если они были собственниками дворов в городе (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 817. Л. 24 и об.). Однако более активно дворянское общество участвовало в вопросах сельской жизни и хозяйства. Губернатор старался направлять эту активность. Газета сообщала, что «с целью образовать практических ветеринаров для сельского населения Самарской губернии, по предложению начальника ее, его превосходительства К.К. Грота, в с. Александровке Бугурусланского уезда, помещиком князем Б.А. Голицыным учреждается (с нынешнего года) сельское ветеринарное училище» (СГВ. 1858. № 31. Часть неоф.).

Представители дворянства сыграли важную роль не только в решении местных задач, но и в обсуждении поднимаемых общегосударственных вопросов, прежде всего крестьянского. Только «благородное» сословие было призвано верховной властью к разработке будущей Великой реформы.

Первый призыв к этому прозвучал в Самарской губернии на дворянском собрании в январе 1858 г. Однако прошло восемь месяцев, прежде чем началось содержательное обсуждение данного вопроса в Самарском губернском комитете по улучшению быта помещичьих крестьян. Конечно, надо признать не совсем обоснованное мнение о том, что дискуссии в этих комитетах, включая Самарский, были «первым опытом парламентаризма» в России [15]. Однако это не умаляет важности проблемы и активности общественных деятелей, перешагнувших уровень местных нужд и провинциальную ограниченность.

В Самарском губернском комитете проявились позиции консерваторов, выступавших за максимально возможное сохранение помещичьих привилегий, и сторонников либеральной реформы. Среди избранных в его состав первые составляли большинство, но перевес был сглажен наличием у реформаторов яркого лидера в лице Ю.Ф. Самарина. Этот публицист и деятель всероссийского уровня, столичный житель и журналист, хотя и являлся помещиком Самарской губернии, прежде не был отмечен в активном участии в общественной жизни этого края. Он включился в нее благодаря К.К. Гроту, пригласившего Самарина в июне 1858 г. принять участие в работе комитета в качестве члена от правительства [12, с. 374–375]. Приглашение известного знатока крестьянского вопроса, сторонника отмены крепостного права губернатор объяснял министру внутренних дел тем, что «дворян просвещенных и сведущих во вверенной мне губернии, весьма немного, и потому большая часть из их суждений основана на эгоизме, личных интересах и случайном положении принадлежащих им имений и крестьян» [14, с. 7]. Грот полагал, что в губернском комитете Самарин сможет помочь немногим «благомыслящим», то есть разделяющим основную либеральную линию правительства Александра II [15, с. 350].

Кроме Самарина заочно отозвались другие «благомыслящие» столичные жители из числа помещиков Самарской губернии. Знаменитый писатель С.Т. Аксаков как землевладелец Ставропольского уезда еще 18 декабря 1857 г. направил самарскому губернскому предводителю дворянства письмо из Москвы с выражением четкого желания «улучшить и упрочить быт моих крестьян освобождением их от крепостной зависимости» [14, с. 8].

По приезду в Самару 1 июля 1858 г. Самарин первым делом посетил Грота. Можно предположить, что имел место не простой визит вежливости, но и согласование позиций двух убежденных реформаторов накануне будущих дискуссий. До начала заседаний Самарин наладил переписку со своими единомышленниками и знакомыми, вошедшими в состав аналогичных комитетов в Туле, Рязани, Нижнем Новгороде, Твери, Петербурге, Москве, других городах для согласования общих позиций последовательных сторонников реформы, получения конфиденциальной информации о работе этих комитетов.

Самарский комитет собрался для торжественного открытия 25 сентября 1858 г., а 26 сентября состоялось первое заседание. На нем Самарин был избран в редакционную комиссию (ЦГАСО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2).

Буквально через несколько дней сообщение о начале деятельности Комитета появилось в Самарских губернских ведомостях (СГВ. 1858. № 40. Часть неоф.). Отстранив от обсуждения крестьянского вопроса все сословия, кроме дворян, столичные власти не собирались делать его гласным. Сообщение, причем достаточное информативное, об этом событии могло появиться в местной газете только с ведома или даже с прямой подачи губернатора.

Заметки о работе комитета и обсуждении крестьянской темы появлялись в единственной самарской газете и позже. Существуют обоснованные предположения, что они готовились лично Самариным. Во всяком случае, некоторые его рукописи, опубликованные в собрании сочинений [17, с. 214–217], по нашим наблюдениям, были изданы в качестве газетных обзоров о деятельности комитета в Самарских губернских ведомостях (СГВ. 1858. № 51. Часть неоф.).

Газетная активность, доводившая до сведения всех жителей губернии ход подготовки отмены крепостного права, по сути «сжигала мосты» угрозе отступления верховной власти с реформистских позиций. Первая публикация о работе Самарского комитета выражала пожелание, чтобы материалы, поступавшие в комитет, «не остались канцелярскою тайною, а были бы обнародованы». Основную часть газетного сообщения составило изложение речи К.К. Грота, открывшего работу комитета. Со страниц газеты прозвучали слова губернатора о будущем «освобождении от крепостной зависимости» и «даровании гражданских прав крепостным людям», что «вызывает сочувствие всего образованного мира», а в России «обещает всем нам новую жизнь». Грот ясно обозначил, что в предстоящих спорах он стоит на стороне тех, кто ратует за освобождение крестьян с землей и за замену в помещичьих имениях принудительного труда вольнонаемным (СГВ. 1858. № 40. Часть неоф.).

Столь четкие и прямые формулировки были вызваны, вероятно, тем, что до этого «приглашение Грота приступить к обсуждению проекта реформы не вызвало однако среди самарских дворян особого энтузиазма». На дворянском собрании в январе 1858 г. большинством голосом было принято уклончивое постановление, что здешние помещики и так сильно потратились на покупку земель, переселение крестьян, их обустройство, а потому опасаются остаться без рабочих рук и разориться [10, с. 19–20].

Пожалуй, ни в одной из губерний ее руководитель не высказывался так откровенно и последовательно за радикальную реформу, выступая перед представителями дворянства, как в Самарской. Даже полвека спустя друг К.К. Грота, выдающийся юрист А.Ф. Кони вспоминал, как громко прозвучала речь самарского губернатора, «наэлектризовавшая многих» [9, с. 353].

В лице Грота либерально настроенные члены Самарского комитета получили союзника, а в лице Самарина — теоретика и организатора, которому не раз удавалось склонить на свою сторону колеблющихся, обезоружить аргументы оппонентов, вызвать сочувствие и понимание вне круга официальных участников обсуждений. В то же время, не имеет никаких оснований кочующее из одной регионоведческой работы в другую сообщение о наличии в Самаре некоего организованного «кружка либералов», включавшего Самарина, его единомышленников из членов Комитета по улучшению быта помещичьих крестьян и других дворян, под странным названием «Спасово согласие», более присущим религиозной секте. Проверить источник такой версии не представляется возможным за отсутствием каких-либо ссылок на него в этих публикациях [13, с. 68].

На заседания Самарского комитета его членам было разрешено приглашать посетителей из дворян своей или других губерний, хотя и без права высказывания мнений (ЦГАСО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1. Л. 2), а потому обсуждаемые вопросы получали широкую огласку. Местные же губернские ведомости с удовлетворением отмечали, что, благодаря их публикациям «читателям нашим известно положение крестьянского дела в Самарской губернии» (СГВ. 1858. □ 29. Часть неоф.). В этой газете помещали и сообщения о работе комитетов по крестьянскому делу в других губерниях (СГВ. 1858. № 30. Часть неоф.).

Для Самарина гласность в вопросе об отмене крепостного права была делом принципа еще до его постановки на обсуждение [11, с. 72]. Грот, другие самарские чинов-

ники и дворяне, поддерживавшие реформаторов, старались обеспечить своему главному теоретику и глашатаю максимально возможный доступ к публике, хотя от министра внутренних дел шли замечания и запреты как на присутствие на заседаниях губернских комитетов посторонних лиц, так и на газетные публикации об их работе (ЦГАСО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 8. Л. 4). Однако Самарский комитет через губернатора отстаивал свою практику, полагая, что только гласность ведет «к успокоению умов» [14, с. 10].

Печатно и устно Самарин со своими единомышленниками обращался ко всем жителям Заволжья, доказывая, что именно они выиграют в первую очередь от отмены крепостного права, поскольку «свободный труд» привлечет в этот край «массу рабочих сил, обременяющую другие густонаселенные местности» [17, с. 217]. Имеется буквальная переключка написанного Самариным для самарских читателей с речью Грота на открытии губернского комитета. В ней также говорилось, что помещичьи потери и неудобства из-за отмены крепостного права компенсируются хозяйственными и финансовыми преимуществами, которые даст применение «вольного труда». Можно только догадываться, было ли это просто совпадением взглядов чиновника и публициста, или взаимодействие начальника губернии и лидера реформаторской части местного дворянского общества происходило на уровне отработки текстов речей или статей.

В газетных публикациях проскальзывало признание о наличии в губернском комитете по улучшению быта помещичьих крестьян разных точек зрения. Самарин для подцензурной печати излагал это достаточно мягко как надежду «на постепенное сближение в мнениях относительно выбора средств» решения крестьянского вопроса среди членов комитета. В самом же комитете кипели нешуточные страсти, фактическая сторона которых изложена биографами Самарина. Упомянем только, что дело доходило до скандалов на заседаниях, подметных писем Самарину с угрозами, ношения им при себе на всякий случай револьвера, попыток вызова на дуэль то его, то Грота со стороны недовольных помещиков. Чтобы охладить горячие головы, оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А.А. Катенину пришлось самому ехать в Самару, делать резкие замечания (ЦГАСО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1. Л. 142–143). Самарина Катенин просил не обострять отношения, щадить «по возможности самолюбие тех, которые невольно вынуждены признать его превосходство» [11, с. 106].

Не стоит сводить все эти случаи только к идейным спорам, как это стало принято в литературе о предреформенной Самаре или о Ю.Ф. Самарине. Иногда дело шло к дуэли между самими консерваторами. Сказывалась общая нервная обстановка обсуждения крестьянского вопроса, «столь близко затрагивавшего каждого» (ЦГАСО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1. Л. 129).

Во всех подобных случаях формального вызова не последовало. После же визита и внушений генерал-губернатора таких острых ситуаций больше не возникало вовсе [10, с. 22]. К.К. Грот также внимательно следил за обстановкой на заседаниях, делая все возможное, чтобы работа не сорвалась из-за угроз «обиженных» выйти из состава комитета (ЦГАСО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1. Л. 116–118).

Споры среди самарских дворян велись не только очные, но и на страницах печати, в том числе в столичных журналах. Примером может служить полемика о крестьянском выкупе в январском номере «Сельского благоустройства». Статьи участников дискуссии вышли без подписей под характерными названиями «Предположение Самарского помещика о выкупе крестьянами земли, которою они будут наделены» и «Замечания другого Самарского помещика на предыдущее предположение о выкупе крестьянской земли».

Грот как администратор новой генерации придавал большое значение печатному слову. Находившаяся под губернаторским началом единственная тогда самарская газета «употребляла все зависящие от нее средства, чтобы приобрести сотрудников», получить «сведения о состоянии губернии, местных нравах и обычаях и т. д.» (СГВ. 1858. № 4. Часть неоф.).

Редакция неоднократно повторяла такие призывы, обещая, что готова выплачивать денежное вознаграждение за статьи с разрешения и «благодаря просвещенной заботливости г. начальника губернии К.К. Грота». При этом приглашение местных корреспондентов к большей активности напрямую связывалось с тем, что обсуждение вопросов, поднятых в губернских комитетах об улучшении быта помещичьих крестьян, влекло за собой обострение интереса к всем другим местным проблемам: образования, транспорта, промышленности, агротехники и т. д. (СГВ. 1858. № 47. Часть неоф.).

Кроме оживления внимания к своему изданию, редакция газеты преследовала более широкие цели активизации гражданской активности. Обращаясь к читателю, она задавала вопрос, так ли сложно за сутки «уделить хотя 3 часа на общественную деятельность, на разъяснение нужд своего сословия и на содействие обществу в исцелении» от его внутренних болезней. В качестве «радостного» примера, достойного подражанию, приводилась шедшая работа над тем, как «улучшить быт своих крестьян» (СГВ. 1858. № 50. Часть неоф.).

Крестьянский вопрос при этом не закрывал остальных многочисленных проблем русской жизни, а стимулировал их более действенное восприятие обществом. Одним из доказательств служит письмо в Самарские губернские ведомости из Рязани. Оно стало ответом на сообщения о двух сильных пожарах в уездном городе Бугульме в апреле 1858 г. и поездке туда губернатора Грота для оказания помощи погорельцам (СГВ. 1858. № 19, 26. Часть неоф.).

Пожелавшие остаться анонимными dobroхоты вместе с деньгами для пострадавших прислали стихотворение с мотивами своего поступка. Оно выражало как раз обостренное чувство ответственности за все происходящее в пору готовящихся перемен: «Ужель, в крестьянский быт вникая, Его посильно улучшая, — Забудем мы тех бедняков, Чьи состояния и кров Огонь, по Божью попущенью, Внезапно предал истребленье?» (СГВ. 1858. № 37. Часть неоф.).

С мысли о взаимосвязи всего происходящего в стране с обсуждением крестьянской реформы начиналось и газетное объявление о начале выпуска журнала «Народное чтение»: «В настоящее время при особенном попечении Государя Императора об улучшении быта крестьян, на каждом гражданине лежит священный долг по мере сил своих содействовать окончанию благого начала обновления народа» (СГВ. 1858. № 30. Часть неоф.). Даже рецензию на выступление заезжего фокусника газета начала с замечания, что это второе по интересу для самарской публики событие после работы комитета по крестьянскому вопросу. По сему перед изложением происходившего на представлении читателям было сообщено, что Комитет «уже приступил к существенному разрешению подлежащих ему вопросов» (СГВ. 1858. № 41. Часть неоф.).

Заметки о любительских спектаклях также не обходились без упоминания о том, что общественная жизнь в Самаре освобождается от «гнетущего однообразия» благодаря не только светским развлечениям, но и обсуждению двух вопросов, поднятых на высшем уровне. Первый — «о предстоящей перемене отношений землевладельцев к крестьянам», второй — о мерах по реализации уже начатой реформы женского образования (СГВ. 1858. № 6. Часть неоф.).

Последний из этих вопросов получил достаточное освещение в литературе [2], поэтому он остался за рамками нашей статьи. Однако укажем, что связь между этими

двумя темами отмечалась самарской газетой неоднократно. Так, «Сообщение в редакцию» об училище для крестьянских девочек в Казанской губернии В.А. Половцов опубликовал, следуя духу времени, чтобы «уведомить всех любителей просвещения, и в особенности дворянок-помещиц, имена которых украшают списки дворян-помещиков, подавших отзывы с изъявлением готовности упрочить быт своих крестьян» (СГВ. 1858. № 27. Часть неоф.).

Яркой демонстрацией готовности самарской общественности к решению общегосударственных задач, осознания необратимости происходящих изменений стал «студенческий обед», состоявшийся 19 февраля 1859 г. Выбор даты стал предвидением близкого будущего, хотя никто еще не знал, что этот день четырехлетия восхождения на престол Александра II ознаменуется через два года падением крепостного права. В нем приняли участие бывшие питомцы разных университетов и почетные гости во главе с К.К. Гротом. На встрече были Ю.Ф. Самарин и его единомышленники. «Всех занимающий вопрос — освобождение России от крепостного права еще не вполне разрешен, а плоды его уже видны», — сказал один из них, также член Самарского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян А.А. Шишков, говоря о значении обсуждения главной всероссийской темы для перемен в сознании людей. Заслуживает внимание сама попытка объединить просвещенную часть провинциального общества на демократических традициях университетской корпорации, как говорил Шишков, «где сын купца, сапожника и крестьянина был бы тем же студентом, тем же человеком, как граф, князь и столбовой дворянин». Это и другие выступления с сочувствием обнародовала местная газета, в том числе очередной призыв Ю.Ф. Самарина к гласности, которая «раздвинет круг действия всякой живой мысли и всякого честного начинания» (СГВ. 1859. № 15. Часть неоф.).

Таким образом, можно наблюдать на примере Самарского края, как постепенно работа над исключительно местными вопросами улучшения условий жизни и хозяйства местного населения, повышения его гражданской активности, четкого функционирования институтов местной власти и самоуправления в середине XIX в. стала дополняться более масштабными задачами. Среди них были совместные меры по реализации планов развития просвещения вообще и женского в частности, которые стали достойным вкладом Самарской губернии в реализацию общероссийских реформ народного образования, начатых еще в предшествующие царствования и продолженных в новых условиях [3]. Наконец, представители самарского общества были призваны к обсуждению кардинальной проблемы российской жизни — отмены крепостного права. Официально звучало лишь мнение дворян, но самарские власти и активные общественные деятели сделали все возможное для своего времени, чтобы сделать это обсуждение более гласным и публичным. Ответом стал рост не только эмансипационных ожиданий, но и гражданской ответственности в разных социальных слоях, создавший необходимый благоприятный фон для проведения как крестьянской, так и других Великих реформ.

Начавшаяся в 1861 г. эпоха выходит за рамки тематики и хронологии данного исследования. Однако заметим, что члены Самарского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, включая Ю.Ф. Самарина, от составления проектов крестьянской реформы перешли к ее реализации, работая с 1861 г. в составе губернского по крестьянским делам присутствия. Они участвовали в подготовке и проведении и других реформ в Самарском крае. Та повышенная по сравнению с предшествующим периодом и рядом других территорий дореформенной России активность, которую проявила общественность Самарской губернии в 1850-е гг., во многом объясняет факт создания в ней в 1865 г. самых первых по времени земских учреждений в стране [8, с. 172].

В новых условиях уместной стала совместная деятельность в структурах власти и самоуправления представителей всех сословий, не только дворян. Люди, получившие необходимый опыт социальной практики, в самарском обществе уже были. Условия для накопления этого опыта были созданы еще в 1850-е гг., которые стали заметным шагом в развитии и инфраструктуры, и культуры Самарского края, и в становлении здесь элементов гражданского общества.

Библиографический список

1. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877.
2. Артамонова Л.М. Первая реформа Александра II // Родина. 2014. № 4. С. 20–24.
3. Артамонова Л.М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 101–113.
4. Артамонова Л.М. Просветительская деятельность самарского губернатора К.К. Грота: столичный чиновник в культурном пространстве провинции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 156–161.
5. Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5–1. С. 229–237.
6. Бирюкова А.Б. К истории формирования рекреационных зон в дореформенной Самаре // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2014. Т. 3. № 6. С. 45–52.
7. Бирюкова А.Б. Формирование и благоустройство уличного и площадного пространства средневожских городов в конце XVIII – середине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3–1 (53). С. 56–60.
8. «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) / П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, Л.М. Артамонова [и др.]. Самара, 2013. Ч. 1. Очерки истории. 360 с.
9. Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель. Материалы для его биографии и характеристики. Пг., 1915. Т. 1.
10. Левашов В. Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губерниях. Куйбышев, 1940.
11. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. Paris, 1926.
12. Поддубная Р.П. Самарин. Страницы жизни. Самара, 2008.
13. Посталюк Ю.С. Позиция дворянства Самарской губернии в период подготовки реформы помещичьей деревни // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6. С. 66–69.
14. Преображенский П.А. Крестьянская реформа 1861 г. в Самарском крае. Самара, 1923.
15. Репинецкий С.А. Первые опыты парламентаризма в Императорской России: дискуссии в губернских комитетах по улучшению быта помещичьих крестьян // Российская государственность: от истоков до современности. Самара, 2012. С. 349–356.
16. Савельев П.И. Феномен К.К. Грота: государственная власть в России в человеческом измерении // Первые Гротовские чтения. Самара, 2008. С. 5–22.
17. Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 3. Крестьянское дело с 20 ноября 1857 по июнь 1859 г. М., 1885.
18. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861 г.) в воспоминаниях. СПб., 1913.
19. Черкасова М.В., Фролова К.В. Деятельность городского головы В.Е. Бурева (по документам ЦГАСО) // Городская культура и город в культуре: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Самара, 2012. С. 275–283.
20. Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. Т. 1. М., 1967.

References

1. Alabin P.V. Twenty-fifth anniversary of Samara as provincial city. Samara, 1877 [in Russian]
2. Artamonova L.M. First reform of Alexander II. *Rodina* [Native land], 2014, no. 4, pp. 20–24 [in Russian].
3. Artamonova L.M. Policy in the sphere of national education in the Volga Region (18 – the first half of the 19 centuries). *Rossiiskaia istoriia* [Russian history], 2013, no. 2, pp. 101–113 [in Russian].
4. Artamonova L.M. Educational activity of the Samara governor K.K. Grot: the capital official in cultural space of the province. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts], 2014, no. 2(19), pp. 156–161 [in Russian].
5. Artamonova L.M. G.N. Potanin's manuscripts «Notes about Samara» and «The grandfather from Samara» – remarkable monuments of «local» history of the middle of the 19 century. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, Vol. 15, no. 5–1, pp. 229–237 [in Russian].
6. Biryukova A.B. On the history of formation of recreational zones in prereform Samara. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia v sovremennom mire* [Fundamental and applied researches in the contemporary world], 2014, Vol. 3, no. 6, pp. 45–52 [in Russian].
7. Biryukova A.B. Formation and improvement of street and square space of the Middle Volga cities at the end of the XVIII – middle of the XIX century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophic, political and juridical sciences, culturology and art criticism. Issues of theory and practice], 2015, no. 3-1(53), pp. 56–60 [in Russian].
8. Kabytov P.S., Dubman E.L., Artamonova L.M., Smirnov Y.N., Tyurin V.A. et al. «Acquisition of the Homeland»: society and power in the Middle Volga Region (second half of the 16 – beginning of the 20 centuries). Samara, 2013, Vol. 1. History sketches, 360 p. [in Russian].
9. Konstantin Karlovic Grot as state and public figure. Materials for his biography and characteristic. Petrograd, 1915, Vol. 1 [in Russian].
10. Levashov V. Reform of 1861 in the Samara and Simbirsk provinces. Kuibyshev, 1940 [in Russian].
11. Nolde B.E. Yury Samarin and his time. Paris, 1926 [in Russian].
12. Poddubnaya R.P. The Samarins. Pages of life. Samara, 2008, pp. 374–375 [in Russian].
13. Postalyuk Yu.S. Position of the nobility of the Samara province during the preparation of the reform of the landowner village. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2009, Vol. 11, no. 6, pp. 66–69 [in Russian].
14. Preobrazhenskiy P.A. The peasant reform of 1861 in the Samara Region. Samara, 1923 [in Russian].
15. Repinetsky S.A. First experiences of parliamentarism in Imperial Russia: discussions in provincial committees on improvement of life of landowner's peasants. *Russian Statehood: ab origine to the modernity*. Samara, 2012, pp. 349–356 [in Russian].
16. Savelyev P.I. Phenomena of K.K. Grot: the government in Russia in human measurement. *First Grot Readings*. Samara, 2008, pp. 5–22 [in Russian].
17. Samarin Yu.F. Compositions. Vol. 3. Country business from November 20, 1857 till June, 1859. Moscow, 1885 [in Russian].
18. Semenov-Tyan-Shansky P.P. The epoch of the release of peasants in Russia (1857–1861) in memoirs. Vol. 2. Saint-Petersburg, 1913 [in Russian].
19. Cherkasova M.V., Frolova K.V. Activity of the Mayor V.E. Bureev (according to the documents of TsGASO). *Gorodskaiia kul'tura i gorod v kul'ture: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Culture of the city and the city in culture: materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Part 1. Samara, 2012, pp. 275–283 [in Russian].
20. Shelgunov N.V., Shelgunova L.P., Mikhaylov M.L. Memoirs. Vol. 1. Moscow, 1967 [in Russian].

Yu.N. Smirnov*

**RELATIONSHIP OF ADMINISTRATION, SOCIETY AND SELF-GOVERNMENT
IN THE SAMARA PROVINCE AT THE MIDDLE OF THE 19-TH CENTURY:
FROM LOCAL INITIATIVES TO NATION-WIDE REFORMS****

On the basis of archival materials, newspapers, documents of a personal origin and other sources the article shows innovations in the sphere of relationship of Samara society, self-government and provincial authorities on the eve of Great reforms. In the Samara province there was a process of increasing the activity of inhabitants concerning as the local problems, so the questions important for all country. Especially it was shown during the discussion about the cancellation of serfdom. The position of the provincial administration led by K.K. Grot became a serious factor of growth of this activity. Supporters of modernization processes in provincial society sought not only for changes in the field of economy and the social relations. They staked on «glasnost» and publicity of activity of authorities and self-government, on ripening elements of civil society.

Key words: Russia in the 19th century, history of the Middle Volga Region, provincial town, public life, regional press, archives, preparation of the Peasant Reform, Yu.F. Samarin.

Статья поступила в редакцию 15/VIII/2015.

The article received 15/VIII/2015.

* *Smirnov Yuri Nikolayevich* (smirnov195503@yandex.ru), Department of Document Science, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

** *The study was carried out with the financial support from the Russian Foundation for the Humanities, within the framework of the research project of the Russian Foundation for the Humanities № 15–11–63002 a(p) «Transformation of Samara from the district town in the center of the province on the eve and at the beginning of the reforms in the middle of the XIX: archive materials and publications concerning the changes in administration, development of civil society, development of cultural environment».*